

Баир Дугаров
СТЕПНАЯ ЛИРА

стихотворения

Санкт-Петербург
2015

УДК 89
ББК 84(2)
Д 80

Дугаров Б.С.

Д 80 Степная лира: Стихотворения. — СПб.:
Свое издательство, 2015. — 304 с.

Творчество Баира Дугарова представляет собой оригинальное явление в современной российской поэзии. В настоящем сборнике стихотворений осуществлена попытка синтеза двух поэтических традиций – бурят-монгольской и русской – на широком фоне мировой культуры.

ISBN 978-5-4386-0873

© Дугаров Б.С., 2015

© Свое издательство, 2015

*Нет, я не Байрон, я Баир,
с душой степной бурят-монгола
и с даром русского глагола
пришедший в этот грозный мир...*

«О ПЕСНЬ ПОЭТА – ИЗ ПЕЧАЛИ СВЕТА...»

Одной из особенностей поэтического творчества Баира Дугарова является философичность. О чем бы ни размышлял поэт, что бы ни становилось предметом его интереса – все пропускается сквозь призму своеобразного и глубокого понимания жизни. Это дает основание утверждать, что основным жанром, в котором работает Баир Дугаров, является философская лирика. Именно с этой точки зрения стоит рассматривать и все его творчество.

Прежде всего, необходимо указать на специфику той философской позиции, экспликацией которой и является поэзия Баира Дугарова. Она не характеризуется попыткой трансляции в стихах «высшего» знания, полученного поэтом в результате творческого «экстаза» и требующего поэтому, с одной стороны, символического выражения, а с другой, заумного истолкования. Никакой «туманности» и «недосказанности» в поэтических произведениях Баира Дугарова нет: все сказано предельно просто и ясно, доступным, порой даже разговорным, языком. Однако в этой простоте и ясности, при более пристальном взгляде, открывается нечто существенное, актуальное и важное, то, о чем во-

общее невозможно было бы ничего сказать, если бы нельзя было говорить просто.

Как поэт, действительно стремящийся донести до читателя (а может быть, и до самого себя) опыт философского осмысления жизни, Баир Дугаров категорически отказывается от позы «пророка» или «учителя» – вообще от всякого привилегированного статуса, так или иначе выделяющего поэта из «толпы» и наделяющего его «двойным зрением», чтобы он мог постигать «тайны бытия» и при помощи «прикровенной» речи приобщать читателя к заповедному миру «таинственно-волшебных дум». Сила поэтического слова Баира Дугарова заключается не в том, что оно сообщает человеку те или иные ответы на смысложизненные вопросы, а в том, что оно позволяет ему осознать и, осознав, пережить принципиальное отсутствие каких бы то ни было ответов. Именно вопрос, который «вечен», а не ответ, который каждый раз может быть иным и никогда не бывает адекватным, является важным для человека. Умение задавать вопросы – или, точнее, обнажать скрывающиеся за ними неразрешимые проблемы – вот главная задача поэта. Не случайно в стихотворениях Баира Дугарова так много вопросов и вообще нет ответов: вопрос самоценен и самодостаточен, он свидетельствует о понимании жизни, в то время как ответ легковесен, ибо он создает иллюзию того, что жизнь действительно понята. В этой связи уместно процитировать стихотворение, которое так и называется – «Вопрос» и

которое можно рассматривать в качестве программного для творчества Баира Дугарова:

У вечной звезды я спросил на рассвете:
«Что значит мой свет, если нету бессмертья?
Что значит мой голос на этой Земле,
Такой незаметной в космической мгле?»

Звезда не ответила, тая в тумане.
Неужто в безмолвии суть мирозданья?
И солнце дрожало на капельках рос.
Был смертен мой голос, но вечен вопрос.

Итак, специфика философской позиции, обуславливающей содержание лирики Баира Дугарова, определяется экзистенциальной проблематикой. Эта проблематика актуализируется при помощи целого ряда поэтических маркеров – соответствующих образов и сюжетов, а также ключевых слов, которые регулярно встречаются в самых разных стихотворениях и заставляют читателя слышать доминантную мелодию «Степной лиры».

Наиболее важными маркерами, задающими пространство разворачивания поэтической мысли, можно назвать образ «космического мрака», с одной стороны, и образ человека, пытающегося пробиться к «свету», с другой. Следует подчеркнуть, что «мрак» и «свет», выступая в качестве контрарных смысловых определенностей, не превращаются от этого в ценностно окрашенные понятия строго фиксированным содержанием. Скорее, они должны быть поняты как существенные моменты

поэтического творчества, диалектически дополняющие друг друга:

Чем острее человеческий взгляд,
Тем плотнее космический мрак.

Противопоставление «света» и «мрака» нацелено на достижение максимально возможной полноты выражения смысла. Вполне уместно в данном случае вспомнить об аполлоническом и дионисическом началах артистической метафизики Ф. Ницше, при помощи которых можно раскрыть существо не только произведений искусства, но и жизни в целом. В поэзии Баира Дугарова обнаруживается отголосок этой метафизики: поскольку «постигается свет через мрак»

И истины вечной свет
Струится сквозь «нет»,

то задача поэта состоит в том, чтобы, погружаясь и погружая читателя в «мрак», извлекать из него «свет» (подобным образом и Ницше, анализируя греческую трагедию, указывал на необходимость растворения в «духе музыки», или дионисическом, чтобы осуществить катарсис аполлонического).

Кроме того, «свет» и «мрак» образуют вереницы зависимых от них смыслов, получающих образное выражение и тоже, в свою очередь, дающих начало другим смыслам. Так, «мрак» уводит читателя в «бездну мироздания», но не для того, чтобы он затерялся в ней, разуверившись в своих силах, а для того, чтобы в свете звезд Медведицы он смог

увидеть «большой вопросительный знак» и «спиною почувствовать дом», возвратиться к «свету очага», а возвратившись, опять ощутить себя кочевником и снова по звездам отправиться в путь.

Одно из важнейших понятий философской лирики Баира Дугарова – «человек» – представлено посредством творческого сочетания «мрака» и «света». Более важная, фундаментальная сторона человека – мрачная, именно здесь следует искать глубинную суть человеческого бытия: не случайно «на фоне вечности гор замирает в изумлении смертное “я”». Космическая природа человека надындивидуальна, стихийна, она позволяет каждому из нас ощутить свое подлинное родство со всем сущим. Поэт стремится осветить словом «на шершавом листе бытия» прежде всего «мрак» человеческой жизни, подчеркивая ее скоротечность и безысходность:

Отчего, человек,
Ты тоскуешь в своей человечности?
Оттого, что любви не хватает
И вечности?

В ночь уйдешь.
И окажешься вместе с планетой
По ту сторону
Жизни и света.

Но не встретишь в безмолвии звездном
Ни друга, ни бога.
Одинока родная Земля,
Одинока.

Но большое внимание уделяется также и «светоносной» стороне человеческого существования, особенно тогда, когда человек, упиваясь своей силой и славой, забывает о бездонном «мраке» собственной жизни и начинает петь «о своем назначенье высоком». Для обозначения такого выхолощенного модуса жизни Баир Дугаров вводит понятие «неовек». Человек неовека, оторвавшись ото «всех богов, растворившихся в бездне», и возгордившись собой и своими деяниями, будет существовать, постепенно «задыхаясь от собственной песни», и в конце концов бесследно исчезнет с лица Земли, – к такому выводу приходит Баир Дугаров. К успехам современной техногенной цивилизации, создающей условия для торжества «светоносной» эры без признания «ночной мглы» в качестве необходимого ее основания, он относится весьма критически:

Все больше человека в неовеке.
Все меньше человека в человеке.

Спасти человека, а вместе с ним и планету по силам только поэтам, которые приходят «по трещине мира» и способны «превозмочь себя словом». Лирика поэта звучит «из глубины веков», чтобы связать распавшуюся цепь времен:

Нить времен сказителями ткется.
И мгновений суть – не суета –
Лишь в душе поэта отзовется
Иль не отзовется никогда.

Тема поэта в поэзии Баира Дугарова – это не просто дань традиции и даже не опыт саморефлексии. В образе поэта следует видеть прямое указание на ту философскую позицию, которая и придает стихотворениям смысловое единство. Неслучайно только задаваясь вопросом о том, что такое поэт, можно действительно писать стихи. И каждый раз, когда ставится подобного рода вопрос, поэту открывается бездонный источник его вдохновений и он получает силу «в свет трансформировать боль».

Никогда не умолкнет печальная лира,
Потому что есть в черной тоске мироздания –
Вечность.

Уходя из жестокого этого мира,
Оставляют поэты свое завещанье –
Нежность.

Поэт «Степной лиры» – всегда и прежде всего философ. Несмотря на то, что «поэт в стихе – как вещь в себе», своим словом он «обнять вселенную готов», и именно это считает своей задачей, более того – миссией.

Странная есть у поэтов привычка –
Сквозь сито своей души
Просеивать мир,
Эхо облекая в слова,
И это все называть стихами.

В контексте обоснования важности дела поэта-философа следует рассматривать и название настоящего сборника стихотворений – «Степная ли-

ра». Нетрудно заметить, что здесь намеренно сближены и объединены два полюса культурного мира: «степь» и «лира», Восток и Запад. Как поэт, Баир Дугаров сумел добиться естественного слияния в едином поэтическом пространстве двух традиций стихосложения: европейской и тюрко-монгольской. В его стихах органично сочетаются национальные бурятские мотивы с мелодикой русской поэзии, и в этой гармонии заключается удивительная сила поэтического слова.

Достигнутый синтез проявляется как на содержательном, так и на формальном уровнях. «Песнь поднебесья» проносится над Ольхоном, Гоби, Индией – и в то же время над Парижем, Кёльном, Латвией, Грузией и даже над Америкой, оживляет мифы далекого прошлого с тем, чтобы высветить настоящее и заглянуть в будущее, выразить думы поэта о мире в целом и о человеке, вселенском ковчегнике, извечно совершающем свой путь

От крика к голосу,
От сабли к колосу,
От мифа к логосу,
От бубна к лотосу,
От чия к полосу,
От юрты к космосу.

Особый интерес представляет попытка сочетания различных приемов стихосложения, выработанных в культурах Запада и Востока. Анафорическая рифма, получившая широкое распространение среди сказителей Великой степи, используется Ба-

иrom Дугаровым наряду с рифмами, характерными для европейской и русской поэзии, в результате чего создается неповторимый эффект объемности поэтического изображения. «Сказитель, прежде чем начать свой эпический речитатив, набирал дыханье, и стих лился на всю долготу выдоха. Чем глубже вдох – погружение в традицию, тем сильнее выдох – на весь простор. Так обретал крылья – на фольклорных истоках – тюрко-монгольский эпос, развертывая в тексте широкий свиток образов анафорического стиха»^{*}.

Во многом благодаря начальной рифме стихотворения становятся мелодичными, протяжными, настраивая читателя на философский лад, а конечная рифма придает стихам энергичное звучание. В итоге достигается идеал созерцательно-действенного отношения к миру, которое так необходимо в условиях современной интеркультурной жизни. Вот один из показательных примеров начально-концевой рифмы:

Подлунный мир преобразается в поэте,
Покуда из цветов изменчивых столетий
Звезде любви в стихах сплетается венок.

Но небо тает в вихре суетных мгновений.
И не хватает грез – античных сновидений
Земле, затянутой в стальной корсет дорог.

^{*} Дугаров Б.С. Азийский аллюр. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2013. С. 3.

Наверное, не будет преувеличением сказать, что анафорические сонеты, фрагмент одного из которых приведен выше, – это одно из самых интересных открытий в современной русской поэзии. Не менее оригинальным является и использование вертикального письма для записи стихотворений с начально-концевой рифмой. Необходимо отметить также и широкий пространственный диапазон поэтических произведений Баира Дугарова, который также подчеркивает новаторство автора: от эпических повествований и гимнов до афористических двустий.

В целом «Степная лира» – очень удачная подборка поэтических произведений, знакомство с которыми будет интересным и полезным для каждого образованного читателя.

Александр Рыбас